

На правах рукописи



ПОЛУГОДИН АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

**БОРЬБА С ПРОЯВЛЕНИЯМИ АДМИНИСТРАТИВНОГО
КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ЗАПАДНОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Брянск – 2022

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского»

Научный руководитель: **Кометчиков Игорь Вячеславович**
кандидат исторических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Романько Олег Валентинович**
доктор исторических наук, профессор
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Таврическая академия,
кафедра истории, профессор

Якутин Александр Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент,
УМВД России по Смоленской области,
Центр профессиональной подготовки,
начальник цикла – преподаватель циклов учебной части

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»

Защита состоится 8 июня 2022 г. в ____ часов ____ минут на заседании объединенного диссертационного совета 99.2.048.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», по адресу: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, ауд. № 320.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» по адресу: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, а также на сайте <http://istsovet-brgu.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2022 г.

Ученый секретарь диссертационного совета



А. В. Сагимбаев

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Планируя войну против СССР, верхушка Третьего рейха предполагала вести её не только в форме вооруженной борьбы. Важной предпосылкой «разделения России» мыслилась дезориентация, разобщение населения, особенно – на оккупированных территориях. При этом учитывались недавно пережитые советским обществом коллективизация сельского хозяйства, голод, индустриализация, борьба с религиозными организациями. Казалось бы, накопившийся в обществе груз противоречий, обид части населения на власть должен был содействовать успеху замыслов гитлеровской верхушки. В условиях войны против СССР политика раскола советского общества по экономическим, политическим, социальным, конфессиональным и иным основаниям таила в себе опасность возникновения гражданской войны между той частью советского общества, что поддерживала советскую власть и борьбу с оккупантами, и теми, кто под влиянием гитлеровской пропаганды решил так или иначе содействовать врагу.

Призрак этой несостоявшейся гражданской войны дожил до наших дней и, как один из инструментов «мягкой силы», порой нацеливается на размывание базовых морально-нравственных ценностей современного российского общества, на эрозию исторической памяти, девальвацию подвига народов СССР в годы Великой Отечественной войны. Это становится возможным и вследствие недостаточной изученности истории Великой Отечественной войны, в частности, проблемы коллаборационизма – пособничества части советских граждан врагу, из-за полярности интерпретаций этого феномена и борьбы с ним, долгое время присутствовавших в литературе. С падением СССР и расширением доступа к архивным материалам между историками и публицистами развернулись дискуссии, одни участники которых продолжали огульно осуждать коллаборантов, а другие пытались придать им ореол борцов с тоталитарными режимами, уподобить некой «третьей силе», нацеленной на построение «новой России» без нацистов и коммунистов.

Изучение проблемы противоборства проявлениям административного коллаборационизма как его наиболее распространенной форме, предпосылок, хода и результатов этой борьбы на материале деревни Запада РСФСР способствует развенчанию попыток реабилитации коллаборационизма и коллаборантов как таковых посредством демонстрации этого явления во всей его сложности, противоречивости, с множеством полутонов, формируя тем самым объективную его картину.

Степень изученности темы. Историографию административного коллаборационизма и борьбы с его проявлениями можно условно разделить на два периода: начальный, который продолжался до второй половины 1980-х гг., и современный, начавшийся с начала 1990-х гг.

Основой подходов к осмыслению коллаборационизма в советской литературе можно считать концепцию «морально-политического единства советского общества», изложенную в базовых идеологических текстах сталинской эпохи. Провозглашалось, что на основе создания социалистической индустрии, колхозно-совхозной системы и ликвидации кулачества как класса в стране была уничтожена эксплуатация, поэтапно стирались классовые различия. Движущими силами нового общества вместо капиталистического антагонизма как раз и объявлялись постоянно крепнущие «морально-политическое единство», «советский патриотизм» и «дружба народов СССР». Ведущая из них – «морально-политическое единство» – определялась как «общность экономических и политических интересов всех социальных групп, из которых состоит советское общество, и осознание ими этой общности интересов, единый моральный, духовный облик рабочих, крестьян и интеллигенции», заинтересованность их в победе коммунизма, укреплении советского государства как выражающего интересы всего народа. Усиливавшееся по мере успехов социализма сопротивление «враждебных элементов» и «остатков, отживающих свое классов эксплуататорского общества», а также наличие у «отсталой части населения» капиталистических «пережитков» обусловило выполнение социалистическим государством функции «охраны социалистической собственности от воров и расхитителей». В условиях социализма она называлась «основной формой классовой борьбы»¹. Проявлением такой классовой борьбы, по сути, считался и коллаборационизм, а основными приспешниками гитлеровцев объявлялись ярые противники советской власти – бывшие уголовники, лица, ранее ею репрессированные и обиженные на нее: бывшие кулаки, помещики, жандармы, белоэмигранты и т. п. Практически вся советская литература, касавшаяся темы, связанной с проявлениям коллаборационизма на временно оккупированной советской территории, исходила из такой интерпретации данных проявлений.

В начальный период изучения темы сведения о коллаборантах, борьбе с ними встречались в воспоминаниях партизан, чекистов, публицистической, очерковой литературе, немногочисленных сборниках документальных материалов, освещавших оккупационную политику и партизанское движение². Не предпринимая детального анализа деятельности пособников, её авторы негативно оценивали всех служащих прогерманских ведомств, называя их «предателями», «шкурниками», «холуями», безусловно заслуживающими сурового наказания³.

¹История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 327, 328, 329, 336; Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1947. С. 231, 232, 589, 606; Исторический материализм / под общ. ред. В. Ф. Константинова. М., 1950. С. 364, 698, 654–655, 657–658, 726–727; Политическая экономия / под ред. К. В. Островитянинова, Д. Т. Шпилова, Л. А. Леонтьева, И. Д. Лаптева. М., 1954. С. 366–371; Диалектический материализм / под общ. ред. Г. Ф. Александрова. М., 1953. С. 221–229.

² Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) М., 1985.

³ Сабуров А.Н. За линией фронта. Кн. 1. Партизанский край. М, 1953. С. 258; Ильиных И. А. 600 дней в боях и походах. Тула, 1969. С. 207.

В тоже время встречались и попытки учесть иные мотивы пособников немцев. Бывший партизан А. Ф. Юденков отмечал в их мотивации помимо антисоветских и эгоистических тенденций и такой фактор, как страх перед оккупантами⁴. В. В. Павлов приводил немногочисленные примеры использования советскими партизанами коллаборантов в интересах борьбы с гитлеровцами⁵. Однако стоит заметить, что тезис о «скрытом патриотизме» некоторых коллаборантов подавался очень осторожно и эпизодически⁶.

С 1960-х гг. начинают выходить региональные издания, содержащие некоторые сведения о проявлениях административного коллаборационизма. Действия гитлеровских пособников в них оценивались как исключительно антисоветские⁷. Большой интерес представляют работы, затронувшие тему аграрной политики врага и участия в её осуществлении пособников из числа местного населения. Так, Ю. В. Арутюнян и В. М. Гриднев отметили провал планов гитлеровцев по использованию экономического и трудового потенциала оккупированной деревни, увидев важную причину этого в массовом саботаже распоряжений оккупантов местными жителями, охваченными патриотическим порывом. Ю. В. Арутюнян также считал, что в оккупационном аппарате могли находиться и случайные лица, в том числе бывшие председатели колхозов, оставшиеся на оккупированной территории, мнение которых при назначении немцы не спрашивали⁸.

В период перестройки наступает «публицистический бум» на тему «Власов и власовщина». Появлением обстоятельных исследований он не сопровождался, но активно себя проявила журналистская публицистика⁹. Авторы ряда статей зачастую не опирались на источники, а исходили из личных симпатий и антипатий. В числе наиболее аргументированных исследований по проблеме коллаборационизма выделяются статьи Л. Решина, М. Гареева¹⁰, хотя сегодня и они подвергаются критике за путаницу в фактах и односторонность подхода¹¹. При этом читатели, в числе которых

⁴ Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной территории 1941–1944. М., 1971. С. 73–79.

⁵ Павлов В. В. Бригада «трижды уничтоженных»: Памяти народных борцов, павших на партизанских тропах в Клетнянских лесах, на Брянщине, посвящается. М., 1967. С. 17, 23.

⁶ Гуд Б. Е. Гремит Брянский лес: воспоминания партизана. Харьков, 1985; Засыпка Т. Н. Страница партизанская. М., 1975; Мартынов М. М. Фронт в тылу: Очерки истории борьбы советского патриотического подполья с немецко-фашистскими оккупантами на Орловщине в 1941–1943 гг. Тула, 1981. и др.

⁷ Когда бушуют грозы. Калужская область в Великой Отечественной войне. Тула, 1970. С. 76; Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр». Всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР, 1941–1943 гг. М., 1980. С. 31; Народная война в тылу врага: к истории партизанского движения в Калининской области / сост. Н. И. Макаров, А. Н. Егоров. М., 1971.

⁸ Гриднев В. М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941–1944. М., 1976. С. 155, 222; Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 224.

⁹ Млечин Л. Власов и власовцы // Новое время. 1990. № 43. С. 38–41; Кореньюк Н. Трудно жить с мифами // Огонек. 1990. № 46. С. 29–31.

¹⁰ Гареев М. А. О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 42–52; Решин Л. Воинствующая некомпетентность // Военно-исторический журнал, 1992. № 2. С. 51–58; Решин Л. «Русские пленные добровольно служить не идут» // Известия. 1990. 28 мая.

¹¹ Ермолов И. Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2005. С. 5.

были и ветераны войны, зачастую обозначали дискуссионные вопросы более остро, нежели историки¹². Подлинно научному осмыслению темы, по-прежнему, мешали – недоступность многих источников, субъективизм, инерция идеологии.

С 1990-х гг. стартует новый период в изучении проявлений коллаборационизма и борьбы с ними. В научный оборот стали вводиться ранее недоступные источники, ускорившие переосмысление проблемы. Существенное влияние на её разработку оказали формировавшиеся в массовом сознании антикоммунистические настроения, стимулировавшие обсуждение роли в войне различных антикоммунистических сил. На этой волне рос интерес к изучению движения А.А. Власова и иных пронацистских формирований. Формировался круг историков, занимавшихся проблемой военного коллаборационизма¹³.

Фундаментальным исследованием коллаборационизма на примере ряда оккупированных гитлеровцами стран стала работа М. И. Семиряги, предложившего выделение политической, экономической и военной форм коллаборационизма и определившего этот феномен как систему взглядов, практически воплощавшихся в интересах гитлеровской Германии в ущерб интересам своей страны. М. И. Семиряга сформулировал важные принципы изучения коллаборационизма: его распространённость во всех оккупированных гитлеровцами странах, нетождественность понятий «коллаборационист» и «предатель»¹⁴, что, по мнению М. И. Семиряги, подчёркивает сложность и противоречивость коллаборационизма как явления.

На современном этапе динамично развивается региональная историография изучения коллаборационизма. Исследования Д. Е. Комарова, И. П. Щерова, О. В. Романько, С. А. Никифорова, В. В. Коровина, Б.Н. Ковалёва, И. А. Махаловой, Л. А. Саран и др. базируются на значительном массиве архивных источников, большинство из которых впервые вводится в научный оборот¹⁵. В частности, Е. И. Журавлев, исследовав предпосылки

¹² Самсонов А. М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем. М., 1998. С. 195–196.

¹³ Дробязко С. И. Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945. М., 2004. С. 341; Жуков Д. А. Полицаи: история, судьбы, преступления. 3-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 85; Окорочков А. В. Великая Отечественная война и «советский коллаборационизм». URL: <https://www.fondsk.ru/news/2011/02/06/velikaja-otechestvennaja-vojna-i-sovetskij-kollaboracionizm-1830.html> (дата обращения 11.02.2019).

¹⁴ Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 6, 9; Шанцева Е. Н. Историография проблемы коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология. 2010. Вып. 6 (86). С. 286.

¹⁵ Комаров Д. Е. Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. Смоленск, 2004; Его же. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны на Смоленщине // Край Смоленский. 2003. № 3–4. С. 21–44; Никифоров С. А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Курск, 2012; Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009; Коровин В. А. Коллаборационизм на территории Курской области в 1941–1943 гг.: формы проявления, политико-правовые и социальные последствия: дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2015; Махалова И. А. Коллаборационизм в Крыму в период нацистской оккупации: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2020; Саран Л. А. Органы власти на оккупированной Орловщине 1941–1943 гг. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2005/896-organy-vlasti-na->

коллораационизма на юге России, пришёл к выводу, что важным фактором его формирования были не только социально-политические проблемы, но и националистические, подготовившие почву для изменнических настроений¹⁶. Оккупацию Кировского района Калужского края изучил А. А. Бауэр, установивший факты патриотических действий некоторых коллаборационистов¹⁷. Д. Е. Комаров и И. П. Щеров, затронувшие проблему оккупационного режима на территории Смоленского региона, пришли к выводу о существовании в оккупационных структурах врага лиц с различной мотивацией, о наличии противоречивых взаимоотношений пособников с партизанами. На наш взгляд, определённым недостатком исследования И. П. Щерова является недостаточное внимание к политике возмездия коллаборантам со стороны советской власти, однако автор отметил перегибы при привлечении коллаборантов к ответственности¹⁸. В исследовании П. М. Поляна прослежена политика советской власти в отношении репатриированного населения, в числе которого были и бывшие коллаборанты. П. М. Полян считает, что отношение к репатриантам-коллаборантам было преимущественно жёстким, а порой – репрессивным. Такая оценка, по нашему мнению, не вполне обоснована и обусловлена относительно слабым привлечением источников из региональных архивов¹⁹.

Политике возмездия коллаборантам со стороны структур и представителей советской власти посвящены работы С. В. Кудряшова, Е. И. Журавлева, В. Н. Земскова²⁰, которые отметили отсутствие в начальный период войны подхода к наказанию коллаборантов, соизмерявшего тяжесть их вины и суровость наказания. Только к середине войны, по их мнению, был выработан дифференцированный подход, который применялся впоследствии.

okkupirovannoj-orlovshchine-1941-1943-gg(дата обращения: 22.02.2019); Романько О. В. Белорусские коллаборационисты. сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945. М., 2013; Его же. Второстепенные коллаборационисты. Национальные формирования в вооруженных силах европейских союзников Германии (1941–1945) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 105–114; Его же. «Свои/чужие предатели»: население и коллаборационисты на территории Крымского полуострова (1941–1944) // «Свое» и «чужое» в культуре. Материалы XI-й Международной научной конференции. Отв. ред. Н. Г. Урванцева. Петрозаводск, 2017. С. 191–193. и др.

¹⁶ Журавлев Е. И. Гражданский коллаборационизм в годы немецкой оккупации 1941–43 гг. на материалах юга России // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). С. 66–73.

¹⁷ Бауэр А. А. Кировский подпольный госпиталь // Калужская застава-3. Историко-краеведческий альманах. Калуга, 2005. С. 200–207.

¹⁸ Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск, 2015. Щеров И. П. Коллораационизм в Советском Союзе (1941–1944): типы и проявления в годы оккупации Смоленск, 2005.

¹⁹ Полян П. М. Жертвы двух диктатур. М., 2002. С. 540, 552.

²⁰ Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.). URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/014/251/1217/002Zemskov.pdf> (дата обращения: 16.12.2018); Кудряшов С. В. Наказание за сотрудничество с оккупантами. Изучение опыта СССР // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 2012. С. 83–88; Журавлев Е. И. Судебные и внесудебные наказания коллаборационистов в СССР в период Великой Отечественной войны и в первое послевоенное время // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 2013. С. 154–160.

Суровость государства при наказании гитлеровских приспешников отмечает Д.Е. Комаров, считая это типичным для тоталитарной системы²¹.

Особенно ценными для нашего исследования являются работы, в которых уделено внимание деятельности органов госбезопасности советского государства в годы войны²². Их авторы в основном сходятся во мнении, что, несмотря на первоначальную неготовность правоохранительных структур к решению ряда задач в условиях войны, они смогли, быстро перестроив свою деятельность, в целом эффективно бороться с бывшими помощниками гитлеровцев. В 2013 г. в свет вышла фундаментальная энциклопедия, посвящённая многим аспектам Великой Отечественной войны, в шестом томе которой отражена работа советской контрразведки по поимке и наказанию немецких пособников²³.

Целый пласт литературы посвящён Локотскому самоуправлению. В отличие от авторов советской эпохи²⁴ И. Г. Ермолов, И. Грибков, С. И. Дробязко и другие современные историки считают, что «Локотской эксперимент» имел некоторые позитивные последствия для местного населения, поскольку здесь, по их мнению, сохранялся довольно высокий уровень жизни по сравнению с другими регионами²⁵. С другой стороны, ими отмечаются многочисленные преступные действия местных властей в отношении населения²⁶.

Растёт количество исследований, посвящённых институтам административного коллаборационизма: функционированию судебной системы²⁷ и институтов старост, социальному портрету представителей

²¹Комаров Д. Е. Деятельность советского репрессивного аппарата на оккупированной территории Смоленской области (1941–1943) // Известия Смоленского государственного университета. Исторические науки, 2013. № 1(21). С. 197–209.

²²Ирлицин В. И. Деятельность органов НКВД в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – ноябрь 1942 г. (на материалах Калининской области): дис... канд. ист. наук. Тверь, 1998; Бондарева А. В. Оперативно-служебная деятельность сотрудников территориальных органов НКГБ–НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (На материалах Курской области): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2002; Филоненко В. С. Деятельность прокуратуры Воронежской области по расследованию дел о воинских преступлениях в 1941–1942 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 1 (72). Вып. 13. С. 191–196; Попов А. Ю. Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной территории (1941–1944 гг.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2007; Ковалев Б. Н. Свидетельские показания в уголовных делах коллаборационистов в России // Вестник НовГУ. 2005. № 33. С. 108–113.

²³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013.

²⁴ Стельмах В. М. Оккупационная политика гитлеровцев // Брянский краевед. Вып. IV. Брянск, 1971.

²⁵ Ермолов И. Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. История Локотского округа и Русской Освободительной Народной Армии. Орел, 2008; Дробязко С.И. Локотский автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: сборник статей, документов и воспоминаний. М., 1998. Вып. 2. С. 168–216; Грибков И. Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. Вып. № 1. М., 2008. С. 123.

²⁶Христофоров В. С. Коллаборационисты отдельно взятого Локотского округа // 65 лет Великой Победы: (в 6 т.). Т. 4. Другое лицо войны. М., 2010. С. 182–213; Жуков Д., Ковтун И. Верёвкин С. И. Орловские военно-исторические исследования. Локотская альтернатива. Кн. 2. Локоть, 2017.

²⁷ Ермолов И. Г. Сельские старосты как низшее звено в системе административного управления на оккупированных территориях РСФСР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». Вып. № 4–5. 2010. С. 78–82.

нижней ступени оккупационной иерархии²⁸, деятельности конкретных бургомистров (А. Старова, Б. Меньшагина)²⁹. Представляет большой интерес книга о судьбе Б. Меньшагина, ядро которой составляют воспоминания бывшего бургомистра, аудиоинтервью, письма, дополненные подборкой уникальных документов³⁰.

Отдельные стороны взаимоотношений коллаборантов с партизанами проанализированы в публикациях Ю. Т. Трифанкова, Е. Н. Шанцевой, В. В. Дзюбан, В. Н. Кучера, причём последний характеризует отношения партизан с коллаборантами как неоднозначные, сопровождавшиеся всё более активным привлечением пропагандистских инструментов для ускорения перехода пособников на сторону патриотических сил³¹. В то же время Д. Е. Комаров констатирует, что уничтожение партизанами наиболее активных и пронемецки настроенных старост отмечалось и в конце периода оккупации³².

Ряд исследований посвящён реализации органами «русской администрации» своих функций на материалах западнорусской деревни. Среди новейших работ – исследования В. Е. Рымарева и А. В. Якутина³³. Так, А. В. Якутин считает, что к концу оккупации многие органы «русской администрации» саботировали мероприятия немцев, помогая населению.

Дискуссионным остаётся вопрос о количестве коллаборационистов в пределах отдельных регионов³⁴. Например, Д. Е. Комаров отмечает, что только в Смоленской области в вооружённых формированиях врага служило до 10 тысяч человек, в то время как общее количество коллаборационистов определяется им около 12% населения области³⁵.

Зарубежная историография пока не имеет работ, целиком посвящённых административной форме коллаборационизма, однако первые попытки осмыслить проблему коллаборационизма советских граждан в зарубежной литературе предпринимались уже в 1950-е гг. В монографиях А. Даллина и Д. Карова³⁶ уделено внимание служащим оккупационных административных

²⁸ Богданов С. В., Остапюк В. Г. Грани предательства (коллаборационисты в Курской области 1941–43 г. // Социологические исследования. 2017. №3. С. 115–122.

²⁹ Парфирьев Д. WersindSie, HerrBurgermeister? Забытый бургомистр Орла Александр Старов. URL: <https://parfiryeff.livejournal.com/tag/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2> (дата обращения: 30.03.2019); Амельченков В. Л. Бургомистр Б. Г. Меньшагин и возрождение Православной Церкви на Смоленщине в период немецкой оккупации 1941–1943 гг. // Христианское чтение. 2019. № 5. С. 174–196.

³⁰ Полян П. М. Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы. М., 2019.

³¹ Трифанков Ю. Т., Шанцева Е. Н., Дзюбан В. В. Партизаны и предатели. Брянск, 2012; Кучер В. Н. Партизаны Брянского леса: какими они были. 1941–1943. М., 2014. С. 598, 612.

³² Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск, 2015. С. 221.

³³ Якутин А. В. Деятельность немецких оккупационных органов на территории Смоленской области в 1941–1943 годах // Известия Смоленского государственного университета. Сер. Исторические науки и археология. 2017. № 2 (38). С. 218–224; Рымарев В. Е. Аграрная политика фашистской оккупационной власти в западных областях России, 1941–1943 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2000.

³⁴ Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера. Советские граждане в союзе с нацистами в 1941–1944 гг. М., 2013. С. 7; Щеров И. П. Коллаборационизм в Советском Союзе (1941–1944): типы и проявления в годы оккупации Смоленск, 2005. С. 94.

³⁵ Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной. С. 235.

³⁶ Даллин А. Захваченные территории СССР под контролем нацистов. Оккупационная политика Третьего Рейха 1941–1945. М., 2019. С. 86–87; Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941–1945 гг. Мюнхен, 1954. С. 79.

структур.Р-Д. Мюллер отметил, что сотрудничество с врагом советских граждан не определялось только политическими мотивами, которые зачастую уступали место экономическим и бытовым факторам³⁷. В начальный период изучения темы западные авторы рассматривали коллаборационизм не сам по себе, а через изучение оккупации и партизанского движения, что определялось недоступностью для них многих источников. В исследованиях последующих лет об оккупационном режиме в целом или же о партизанской войне также содержались лишь отдельные эпизоды о «русских» людях в немецком оккупационном аппарате.

В современных исследованиях западными историками всё чаще стала транслироваться точка зрения о влиянии на мотивацию пособников неполитических факторов³⁸. Предпринимаются попытки переосмыслить значение самого понятия «коллаборационизм». Австралийский историк М. Эдель считает, что коллаборационистом является человек, оказывающий помощь врагу посредством несения службы во вражеской армии, полиции или администрации³⁹. Более обширную типологию коллаборантов предложил В. Рингс, распределив их на категории нейтральных, безусловных, условных и тактических⁴⁰.

Из недавно вышедших работ необходимо отметить совместное исследование брянского публициста А. Кукатова и немецкого историка С. Штоппера, посвящённое деятельности представителей эмигрантской организации НТС в оккупированном Брянске. Авторы пришли к выводу, что планы прибывших с немцами «пришельцев» были наивны и неосуществимы. Какой бы то ни было поддержки у немцев и местного населения представители этой организации не получили⁴¹.

Важным фактором появления работ, посвящённых коллаборационизму в масштабе отдельных регионов, стало рассекречивание документов об этом в региональных архивах⁴². Так, немецкий историк Н. Кунц рассмотрел феномен коллаборационизма на полуострове Крым⁴³. Ф.Хирш посвятила своё исследование борьбе советского государства с гитлеровскими пособниками. По её мнению, проводившиеся на советской территории судебные процессы

³⁷Мюллер Р. Д. Насильственное рекрутирование «восточных рабочих». 1941–1944 гг. // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 609–617.

³⁸Армстронг Д. Партизанская война: стратегия и тактика, 1941–1943. М., 2007; Боффа Дж. История Советского Союза: в 2-х тт. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. 2-е изд. М., 1994. С. 105–108; Штрайт К. «Они нам не товарищи...» Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / Пер. с нем. И. Дьяконова, предисл. и ред. И. Настенко. М., 2009. С. 64–67.

³⁹Edele M. Stalin's Defectors. How Red Army Soldiers became Hitler's Collaborators, 1941–1945. Oxford, 2017. Pp. 125–126.

⁴⁰Rings W. Life with the Enemy: Collaboration and Resistance in Hitler's Europe, 1939–1945. N. Y., 1982. P. 73.

⁴¹Штоппер С., Кукатов А. Нелегальный Брянск, 1941–1943: нелегальная деятельность различных сил в оккупированных Брянске и Орджоникидзеграде с 6 октября 1941 по 17 сентября 1943 года. Брянск, 2014. С. 89, 240.

⁴²Cohen L.R. Smolensk Under The Nazis: Everyday Life In Occupied Russia, Rochester, 2013; Eikel M., Sivaieva V. City Mayors, Raion Chiefs, and Village Elders in Ukraine, 1941–1944: How Local Administrators Co-Operated with the German Occupation Authorities // Contemporary European History 23. №. 3 (2014). Pp. 405–428.

⁴³Махалова И. А. Коллаборационизм в Крыму в период нацистской оккупации. М., 2020. С. 27; Kunz N. Die Krimunterdeutscher Besatzung 1941–1944. S. 205–213.

против коллаборантов не соответствовали стандартам западного судопроизводства⁴⁴. Другие историки, проведя анализ довоенных биографий коллаборационистов, пришли к выводу, что работа советского карательного аппарата отличалась от его деятельности в годы «Большого террора». Это обстоятельство позволило ряду пособников отделаться относительно мягким наказанием⁴⁵. Сведения о процессах над коллаборантами на территории Орловской области содержатся в работах М. Купера и Т. Шульте⁴⁶.

В целом можно сказать, что в последние годы происходит сближение исследовательского фокуса зарубежных и отечественных исследователей темы коллаборационизма за счёт того, что зарубежные авторы всё больше привлекают источники из российских архивов, а отечественные – из зарубежных.

Таким образом, уход в прошлое монополии одной методологии, масштабное рассекречивание архивных документов, восстановление научных контактов российской исторической науки с историками из других стран позитивно отразились на изучении проблемы коллаборационизма. Особо актуальным в настоящий момент является изучение отдельных форм и региональных особенностей коллаборационизма, в том числе – его административной формы. На сегодняшний день представляются недостаточно изученными взаимоотношения пособников с гитлеровцами, населением, советскими партизанами, то, как это отразилось на функционировании структур и должностных лиц коллаборационной администрации: волостных старшин, бургомистров, уличных и квартальных старост, агрономов, численности пособников в конкретных регионах, как всё это влияло на выработку политики возмездия пособникам со стороны советского государства. Исследование этих и других сюжетов, связанных с историей коллаборационизма и борьбы с ним, в значительной степени зависит от расширения источниковой базы. В этом смысле изучение проблемы на региональном материале представляется наиболее перспективным.

Объектом исследования является противостояние военных, политических, идеологических структур СССР и гитлеровской Германии на временно оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны.

Предмет исследования – борьба гражданского населения, органов и представителей советского государства с проявлениями административного коллаборационизма в западнорусской деревне в годы Великой

⁴⁴ Hirsch F. The Soviets at Nuremberg: International Law, Propaganda, and the Making of the Postwar Order // American Historical Review. 2008. Vol. 113. № 3. P. 703.

⁴⁵ Penter T. Collaboration on Trial: New Source Material on Soviet Postwar Trials against Collaborators // Slavic Review. 2005. Vol. 64. № 4. P. 786; Prusin A. «Fascist Criminals to the Gallows!» The Holocaust and Soviet War Crimes Trials, December 1945 – February 1946 // Holocaust and Genocide Studies. 2003. Vol. 17. № 1. – Pp. 20–21; Cadot J., Penter T. Law and Justice in Wartime and Postwar Stalinism // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2013. Vol. 61. № 2. S. 168

⁴⁶ Cooper M. Nazi war against soviet partisans. N.Y., 1979; Schulte T. The German Army and Nazi Policies in occupied Russia. N. Y., Muenich, 1980.

Отечественной войны, понимаемого как сотрудничество некоторых советских граждан с оккупантами в органах гражданской администрации западнорусской деревни, прежде всего, низового и среднего уровней – старостатах, волостных и районных управах. В центре предмета изучения – противодействие патриотических сил деятельности старост, волостных старшин, а также районного административного аппарата, которому подчинялись коллаборационные органы сельской округи, рассмотренное в контексте контактов административных коллаборантов с населением, гитлеровцами и представителями советского государства.

Цель диссертационного исследования – исходя из анализа условий формирования административного коллаборационизма на Западе РСФСР рассмотреть динамику и формы борьбы патриотических сил с его проявлениями в контексте контактов административных коллаборантов с гитлеровцами, населением и партизанами, оценить результаты реализации замыслов гитлеровского руководства по столкновению различных социальных групп в западнорусской деревне в ходе проведения ими на оккупированной территории политики «нового порядка».

Для достижения цели исследования предполагается решение следующих **исследовательских задач**:

1) Раскрыть порядок формирования, устройство и функции органов «русской администрации», их структурных подразделений, сформированных из местного населения.

2) Выявить социальный состав и мотивацию контингента, являвшегося источником кадров для органов коллаборационной администрации, определить факторы, влиявшие на изменение мотивации административных коллаборантов.

3) Исследовать взаимодействие коллаборантов с партизанами в западнорусской деревне, выявить противоречия и перемены в их взаимоотношениях на протяжении 1941–1943 гг.

4) Рассмотреть характер отношений коллаборационистов с оккупантами на протяжении всего периода оккупации; проанализировать степень эффективности службы пособников на врага.

5) Проанализировать проблему взаимоотношений сельского населения и представителей органов русской администрации в оккупированной немцами деревне Запады РСФСР 1941–1943 гг., выявить отношение жителей к административным коллаборантам сельской местности.

6) Исследовать политику возмездия советского государства по отношению к административным коллаборантам на протяжении 1941–1943 гг., проанализировать факторы, повлиявшие на ее корректировку.

7) Исследовать политику возмездия советского государства по отношению к административным коллаборантам на протяжении 1944–1945 гг.

Географические рамки исследования – территория Калужской, Брянской, Орловской, Тверской, Тульской, Смоленской и частично Московской областей в их современных границах, полностью или частично

временно оккупированная гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны. Особенность географических рамок определяется общностью природно-географических, экономических, демографических, социокультурных характеристик указанных регионов: преобладанием нечерноземных почв, преимущественно аграрным характером экономики, её однообразием (основные отрасли – картофелеводство, льноводство, молочное скотоводство), относительной неразвитостью промышленности, концентрирующейся в крупных городах, мелкоселенностью как традиционным типом расселения сельского населения, его однородным этническим и конфессиональным составом.

Хронологические рамки исследования определяются периодом оккупации Запада РСФСР, а также деятельностью советского государства по выявлению и наказанию административных коллаборантов. Нижняя хронологическая граница определяется началом немецкой оккупации, верхняя – мерами советского государства по преодолению последствий коллаборационизма в сельской местности в 1944–1945 гг., а также завершением возвращения в родные места репатриантов, в числе которых было и некоторое количество административных коллаборантов. Неодинаковая продолжительность оккупации разных местностей повлияла на степень развития коллаборационистских административных структур: в одних их аппарат был успешно создан и функционировал, а в других этот процесс был прерван относительно быстрым освобождением территорий Красной Армией.

Источниковую базу диссертации составили: 1) законодательные материалы; 2) делопроизводственная документация; 3) источники личного происхождения (в основном, мемуары и дневники), 4) материалы периодической печати (в том числе коллаборационистской).

Использованные в работе законодательные материалы представлены законами, указами органов государственной власти СССР, директивами партийных органов, органов НКВД, НКГБ, НКЮ, Генеральной прокуратуры СССР и других структур. Многие из них посвящены борьбе советского государства с коллаборационизмом и его последствиями в масштабе страны и отдельных её регионов⁴⁷. Достаточно высокая степень полноты опубликованных нормативных актов в сочетании с источниками других видов позволяет в деталях представить формирование и эволюцию политики возмездия коллаборантам.

⁴⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года; Кн. 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000; Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. – М., 2000; Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 года. М., 2003; Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель» 1 января – 3 июня 1943 года. М., 2008; Госбезопасность в битве за Москву. Документы, рассекреченные ФСБ России: сб. документов. М., 2015; Огненная дуга: Курская битва глазами Лубянки / сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин, В. С. Христофоров. М., 2003; Тульский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. 1942 год: Сб. документов и материалов / отв. сост. И. Н. Авдюшкина, отв. ред. И. А. Антонова. Тула, 2012. и др.

Большое значение для настоящего исследования представляют трофейные документы, в том числе документы высшего политического руководства Третьего рейха и командования вермахта. Формирование планов немцев по ограблению оккупированных территорий и созданию коллаборационных структур представлено в ряде документальных публикаций⁴⁸. Ценным источником, отражающим проблему пособничества врагу части советских граждан, являются документы «Зеленой папки» Г. Геринга, откровенно свидетельствующие об истинном характере войны против Советского Союза⁴⁹. В сочетании с документами партийных и государственных структур СССР, партизанского движения трофейные материалы содержат важные сведения о приоритетных целях грабительской политики врага, разграничении полномочий гражданских оккупационных органов и структур военного командования вермахта, о формировании органов оккупационной власти, которым должны были подчиняться структуры местного управления, о борьбе органов госбезопасности, партизан и подпольщиков против ставленников немцев.

Задействованная в диссертационной работе делопроизводственная документация (партизанские сводки, донесения, докладные записки о положении на оккупированной территории, сведения о коллаборационистских формированиях гитлеровцев (в том числе и гражданских), настроениях местного населения, инструкции и обращения немцев и коллаборационистов, адресованные партизанам и местным жителям) представлена материалами из фондов Смоленского штаба партизанского движения (ГАНИСО), Центрального штаба партизанского движения при ставке Верховного Главнокомандования (РГАСПИ), Западного штаба партизанского движения (ГАДНИКО), фонда Брянского штаба партизанского движения (ЦДНИБО), фонда штаба партизанского движения Калининского фронта (ТЦДНИ). Содержащиеся в делопроизводственных документах сведения раскрывают сущность оккупационной политики гитлеровцев, устройство коллаборационного аппарата, затрагивают вопросы мотивации и социального состава коллаборантов.

Ценным источником сведений о функционировании коллаборационного аппарата является дошедшая до нас его документация: положения, распоряжения различных структурных подразделений оккупационных органов, учётная документация, журналы регистраций уплаты гражданами налогов и др. Данные документы отражают внутреннюю структуру и деятельность оккупационной администрации, описывают положение

⁴⁸ Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР. Сб. документов и материалов / Под общ. ред. В. А. Золотарева. М., 2015; Ямпольский В. П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. М., 2008; Нюрнбергский процесс: сб. материалов / под ред. К. П. Горшенина и др. 3-е изд., испр. Т. 2. М., 1955; Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / Сост.: Г. Ф. Заставенко и др.; общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. М., 1985; Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки, документы и материалы. В 2 т. / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР А. М. Самсонов. Т. 2.: Агрессия против СССР. Падение «Третьей Империи». 1941–1945 гг. М., 1973.

⁴⁹ Леонтьев А. Зеленая папка Геринга. Куйбышев, 1942. С.18.

оккупированного населения. Наиболее содержательными являются фонды Калужской земской управы, Барятинской, Мосальской, Спас-Деменской, Куйбышевской районных управ, Земельного управления Спас-Деменской районной управы (ГАКО), Бояркинской, Понизовской, Юшковской волостных управ, Андреевской, Глинковской, Издешковской, Ершичской райуправы др. (ГАСО), Комягинского волостного управления Трубчевского района, Клетнянской городской и земской управ (ГАБО).

Делопроизводство региональных и районных партийных и государственных структур даёт представление о поведении коммунистов в период оккупации, позволяет выявить примерную численность зарегистрировавшихся в органах коллаборационной администрации или пошедших в услужение врагу жителей, оценить масштаб и характер санкций по отношению к бывшим коллаборантам со стороны ВКП(б) и советских государственных органов. Стоит отметить, что наиболее информативными для исследования явились фонды Смоленского, Калининского и Орловского обкомов ВКП(б).

В числе привлечённых делопроизводственных материалов – ряд рассекреченных архивно-следственных дел старост, старшин, полицейских, рассмотренных военными трибуналами и Особым совещанием при НКВД СССР, которые были изучены в архивах Управлений ФСБ по Калужской области (УФСБ КО) и Смоленской области (УФСБ СО). Большую ценность для диссертационного исследования представляет коллекция документов прокуратуры Тульской области 1937–1998 гг. (ГАТО), а также фонда фильтрационных и трофейных документов на репатриированных лиц по г. Калуге и Калужской области. Данные документы позволили изучить процесс фильтрации послевоенного времени, исследовать процедуру выявления советскими органами коллаборантов, ход следствия по их делам.

Привлечённые источники личного происхождения представлены, в основном, мемуарами современников войны. Важное для решения задач исследования значение имеют воспоминания главы Центрального Штаба партизанского движения П. К. Пономаренко из его личного фонда в РГАСПИ, а также воспоминания партизан, свидетелей оккупации, хранящиеся в фондах архивов Калужской, Смоленской областей, многие из них вводятся в научный оборот впервые. Представляют интерес и сборники выступлений, директив видных деятелей партии и государства, позволяющие проследить официальную позицию по отношению к коллаборационизму, причинам его формирования и возможным последствиям⁵⁰.

В мемуарах работников внутренних дел регионального уровня, увидевших свет в советские годы, уделено внимание мотивам гитлеровских прислужников, ведущими среди которых, по мнению авторов, были человеческая слабость, отказ сопротивляться до конца, потеря веры в победу

⁵⁰ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948; Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.

СССР⁵¹. Разноплановые данные о пособниках и их работе на врага имеются и в воспоминаниях сотрудников советских органов государственной безопасности. Из наиболее известных необходимо отметить воспоминания начальника Орловского УНКГБ К. Ф. Фирсанова⁵². В сборнике воспоминаний «Бой продолжается» содержатся факты о деятельности калужских чекистов по поимке сотрудника аппарата абвера Власова, ликвидации лидера Локотской волости К. Воскобойника⁵³. В сборнике воспоминаний, посвящённом деятельности смоленских чекистов, рассказывается об их борьбе с членами эмигрантской ячейки НТС, действовавших в структурах коллаборационистской администрации на территории Смоленщины⁵⁴.

Воспоминания обычных людей–очевидцев оккупации, ощутивших на себе весь её ужас, несмотря на эмоциональность содержания, позволяют оценить общую палитру настроений населения, в том числе и отношение к немцам и их пособникам⁵⁵. Значительный пласт воспоминаний советских граждан периода оккупации, содержащий ценные свидетельства взаимоотношений граждан и гитлеровских пособников на низовом уровне, опубликован в современной региональной прессе⁵⁶.

Важными для исследователя являются также мемуары представителей эмигрантской среды – в частности, членов антисоветской организации Народной трудовой союз (НТС), ряд которых в годы войны занимали должности в оккупационном аппарате, воспоминания других пособников⁵⁷.

Мемуары бывших германских чиновников и военнослужащих вермахта⁵⁸ содержат сведения о реализации «восточной политики» Германии, помогают понять причины заинтересованности оккупантов в создании коллаборационистских структур. В. Штрик-Штрикфельд отметил «благоприятную почву» для формирования антисоветских организаций на

⁵¹ Владимирова С. Записки следователя гестапо. М., 1970. С. 11, 12, 14; Рясной В. Н. Чернявский Ю. На службе дьяволу. М., 1969. С. 100–101.

⁵² Чекисты рассказывают: сборник очерков / сост. И. И. Шмелев. М., 1970; Фирсанов К.Ф. Так воевали чекисты. М., 1973; Его же. Как ковалась Победа? / За линией фронта. Очерки. Тула, 1968. С. 5–85.

⁵³ Бой продолжается...: рассказы о калужских чекистах / сост. Г. И. Коротаев. Тула, 1987.

⁵⁴ Продолжение подвига: книга о смоленских чекистах: сборник / ред.-сост. А. П. Комиссаров, В. В. Королев. Смоленск, 1988.

⁵⁵ Нам выпало на долю...: война в письмах, дневниках, воспоминаниях: сб. док. и материалов / сост. В. Н. Середа, Н. В. Федотова. Тверь, 2005; Фролов А. А. Оккупация глазами переживших: историческое исследование, 1917–2015. Челябинск, 2015; В годы нашествия: воспоминания участников и очевидцев событий периода оккупации немецко-фашистскими захватчиками Куйбышевского района Калужской области в 1941–1943 гг. Бетлица, 2005; Под оккупацией в 1941–1944 гг.: Статьи и воспоминания / сост. А. С. Гогун, И. В. Грибков, К. Л. Таратухин, Т. С. Джолли, Р. И. Матвеева-Рацевич, Р. В. Полчанинов. М., 2004.

⁵⁶ Котов Л. Выходский район в период оккупации // Край Смоленский. 2015. № 9. С. 41; Новикова М. К. Предатель // Перекресток. Шумяцкий альманах. Смоленск, 2010. С. 254; Маркизова И. Воспоминания об оккупации // Юхновские вести. 2003. 4 марта; Макухин В. С. Темные страницы оккупации // Севская правда. 2006. 26 декабря. Бурцев Ю. Немецкий староста // Организатор (Сухиничи). 2001. 16 января, 18 января и др.

⁵⁷ Самутин Л. Я был власовцем. М., 2013. Меньшагин Б. Г. Воспоминания. Смоленск. Катюнь. Владимирская тюрьма / Подг. текста и примеч. Г. Суперфина. Париж, 1988. Казанцев А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. М., 1994. Столыпин А. П. На службе России: Очерки по истории НТС. Frankfurt a. M., 1986.

⁵⁸ Геббельс Й. Последние записи: дневники 1945 г. Смоленск, 1993; Шелленберг В. Мемуары. М., 1991; Штрик-Штрикфельд В. К. Против Сталина и Гитлера. 3- изд. М., 1993.

оккупированной территории, считая, что коллаборационная мотивация жителей обуславливалась, прежде всего, недовольством людей сталинской политикой.

Ценнейшим источником являются изначально не предназначавшиеся для публикации воспоминания генерала Г. Хайнрици, войска под командованием которого длительное время вели бои и дислоцировались на Западе РСФСР. С присущей немцам педантичностью генерал отмечает бедность местного населения, ненависть некоторой её части к советскому режиму, что использовалось в германских интересах, в том числе при организации борьбы с партизанами⁵⁹.

Материалы периодической печати представлены в фондах коллекций документальных материалов периода оккупации Брянской области (ГАБО), содержащих подшивки коллаборационистских газет «Речь» и «Голос народа» за 1942 год. С помощью данного источника можно исследовать будничную деятельность местных оккупационных органов, особенно – их усилия по агитации и пропаганде, применение оккупантами различных санкций в отношении лиц, не поддерживающих оккупационный режим. Отдельные образцы печатной продукции (листовки, плакаты) выявлены в фонде Смоленского штаба партизанского движения.

В целом привлечённые источники репрезентативно отражают предмет исследования, позволяют реализовать заявленные исследовательские задачи. В наибольшей степени свидетельства источников обеспечено рассмотрение таких граней проблемы, как образование и устройство низового коллаборационного аппарата, мотивация административных коллаборантов, их контакты с гитлеровцами, партизанами и населением. В меньшей степени доступны следственные материалы органов госбезопасности СССР в отношении коллаборационистов, что сужает возможности рассмотрения политики возмездия на местах и изучения судеб конкретных административных коллаборантов.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности, системности. При изучении деятельности как коллаборантов, так и партизан был применён ценностный подход, позволяющий утвердить ведущую роль советского народа и государства в Великой победе над гитлеровской Германией⁶⁰. Заявленные методологические принципы реализуются в общенаучных методах исследования: анализе, обобщении, дедукции, индукции, синтезе, классификации, систематизации. При рассмотрении вопроса мотивации коллаборантов и поведения обычных граждан в условиях оккупации применяется метод психолого-исторического анализа. Просопографический метод показал свою эффективность при анализе биографий коллаборантов, что помогло сформировать обобщённый социальный портрет служащего

⁵⁹Хайнрици Г. Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записках генерала Хайнрици / под ред. Й. Хюртера; пер. с нем., О. И. Бэйдя, И.Р.Петрова. СПб., 2018.

⁶⁰Галлямова Л. И. Новые подходы к изучению истории Великой Отечественной войны в современной российской историографии // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 30.

гражданской оккупационной администрации. С помощью историко-описательного метода была охарактеризована мотивация административных коллаборантов, показаны их контакты с гитлеровцами, населением и партизанами. Историко-сравнительный метод позволил сравнить организацию административного аппарата в различных регионах Запада РСФСР. Историко-генетический метод дал возможность проследить эволюцию политики возмездия советского государства по отношению к коллаборантам на протяжении войны. Статистические методы позволили подсчитать число административных коллаборантов в конкретных местностях, сравнить динамику борьбы с ними и определить степень активности проведения политики возмездия после освобождения Запада РСФСР от гитлеровцев.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в освещении относительно слабо изученной на сегодняшний день административной формы коллаборационизма и борьбы с ним органов и представителей советской власти с опорой на практически не задействованные историками при изучении темы документы региональных архивов. Как правило, до этого административный коллаборационизм рассматривался, преимущественно, как организационное звено его экономической формы, через призму выполнения органами «русской администрации» функций по организации снабжения гитлеровской армии продовольствием. В настоящем исследовании автор на материале западнорусской деревни применил относительно новый подход, заключающийся в исследовании административного коллаборационизма и борьбы с ним через призму взаимоотношений коллаборантов с представителями различных сил, действовавших в западнорусской деревне в 1941 – 1943 гг.: оккупантами, партизанами, населением, что позволяет увидеть более широкий спектр мотивации коллаборантов, эволюцию их поведения на протяжении всего периода оккупации, более глубоко понять динамику политики возмездия по отношению к административным коллаборантам. Также на материале конкретных архивно-следственных и проверочно-фильтрационных дел анализируется мотивация коллаборантов.

Практическая значимость. Научно-теоретические положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в изучении широкого круга вопросов истории Великой Отечественной войны, положены в основу разработки программ специальных учебных курсов и учебных пособий по проблемам истории России, в создании проектов по патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Положения, выносимые на защиту.

1) Территория западных районов РСФСР относилась к подчинению военного командования тылового района группы гитлеровских армий «Центр», которое с первых дней оккупации приступило к хаотичному образованию административных структур (институтов старост и бургомистров крупных населенных пунктов), могущих удовлетворить

потребности наступающего вермахта в местных продовольственных ресурсах.

2) Формирование регулярного административного аппарата пришлось на конец 1941 г., когда немцам стало понятно, что война затягивается и следует наладить систему планомерной экономической эксплуатации оккупированных территорий Запада РСФСР. С ноября 1941 г. в пределах этих территорий образуются районные управы, волостные бургомистерства, окружные управления, институты агрономов и участковых инспекторов. В ряде захваченных районов вблизи линии фронта такие структуры созданы не были.

3) На службу в органы местного управления оккупанты привлекали лиц, относящихся к различным социальным группам, кроме расово недостойных, по их мнению, евреев и цыган. Основными критериями для занятия должности в коллаборационном аппарате являлось наличие у соискателя организаторских способностей, лояльности к гитлеровцам, знания подведомственной территории и, по возможности, образования. Среди администраторов-коллаборантов на селе значительное место занимали бывшие советские специалисты. Немалый процент управленцев формировался из числа бывших партийных работников низового звена. Привилегированное положение в аппарате врага занимали так называемые фольксдойче, но их количество на Западе РСФСР было относительно невелико, как и число лиц с уголовным прошлым, а также тех, кто считался советской властью до войны классово-чуждыми (кулаков, эмигрантов).

4) Мотивация коллаборантов формировалась под влиянием меняющегося во времени комплекса обстоятельств: развития событий на советско-германском фронте, всплеск репрессий со стороны гитлеровцев, давления экономических и бытовых факторов, степени силы и активности партизанского движения, следствием чего были всплески и спады лояльности коллаборантов гитлеровцам.

5) Как и гитлеровские солдаты, административные коллаборанты в глазах партизан являлись врагом, что обуславливало стремление уничтожить их при всяком удобном случае. Наиболее распространенной мишенью являлись старосты, волостные старшины, находившиеся в слабо защищенных сельских населенных пунктах. С 1942 г. несмотря на то, что волостные управы начинают активно укрепляться, старосты все ещё оставались одной из самых распространенных целей партизан. При этом кроме уничтожения партизаны всё чаще применяли и другие способы противодействия административным коллаборантам на селе: угрозы, изъятие личного и семейного имущества, перевербовку. С середины 1942 г. советской стороной более активно применялась пропаганда, исходившая из угрозы неминуемого наказания и включавшая уговоры перейти к саботажу или отказу от работы на оккупантов. С 1943 г. в партизанских донесениях на «большую землю» редко встречается учёт уничтоженных старост, в то время как подсчёт количества разгромленных управ и убитых бургомистров был всё ещё актуален.

6) Первоначально сельское население Запада РСФСР в своём большинстве относительно спокойно восприняло появление коллаборационной администрации. Господствующий в советское время тезис о постоянном и практически повсеместном саботаже сельскими жителями указаний оккупантов источниками не подтверждается. Население, вынужденное кормить немцев, выполняло указания старост и старшин, нередко выступавших посредниками между населением и оккупантами. Саботаж указаний оккупантов усиливался по мере продвижения линии фронта к населённому пункту, а также при усилении активности партизан в оккупированных районах. Местная администрация в глазах населения порой воспринималась людьми как опора хоть какого-то порядка. По освобождении территории от немцев местные жители часто принимали активное участие как в разоблачении ярых пособников немцев, так и в оправдании тех коллаборантов, кто старался помочь им в условиях оккупации.

7) Так называемый административный аппарат являлся придатком структур, проводивших гитлеровскую оккупационную политику. Возвеличенный германской пропагандой, он, однако, не имел никакого влияния на оккупантов, не мог эффективно исполнять свои гражданские обязанности. Понимая это, гитлеровцы по отношению к своим административным пособникам из местных помимо политики «пряника» широко использовали и метод «кнута». Последнее сильно ударило по лояльности к ним коллаборантов.

8) Политика возмездия советской власти по отношению к коллаборантам на Западе РСФСР менялась на протяжении войны. Вначале советские силовые структуры ориентировались на решение проблемы наказания как можно большего числа административных коллаборантов в кратчайшее время, часто не вникая в обстоятельства перехода в услужение к врагу, без учёта тяжести их вины. Играли роль и слабая практическая подготовка следователей, гонка за показателями следственной работы. В результате значительное количество «прислужников» несло наказание за сам факт службы на врага. Однако стоит заметить, что советская власть стремилась выработать политику возмездия, более адекватную реалиям. Она оформилась в 1943–1944 гг. и заключалась в соизмерении меры наказания с тяжестью вины, обстоятельствами перехода в услужение к врагу, учитывала смягчающие вину обстоятельства и т. д.

9) Несмотря на некоторое количество лиц, вставших на сторону немцев, административный коллаборационизм в деревне Запада РСФСР не стал массовым явлением, что фактически означало срыв планов гитлеровской верхушки по разжиганию на оккупированной территории подобия гражданской войны. Напротив, увидев преступный характер политики немецких властей, многие граждане, прислуживавшие гитлеровцам, осознали истинный характер нацизма, незavidность своего положения после освобождения родных мест Красной армией. По этой причине оккупантам в итоге не удалось обеспечить себе серьёзную поддержку со стороны даже части местного населения, втравить его в новую гражданскую войну.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертационного исследования, его основные положения и выводы представлены в 16 публикациях автора общим объёмом более 19,8 условных печатных листов, в том числе в девяти статьях изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ (общий объём – 11,9 условных печатных листов), апробированы в семи статьях, тезисах сообщений и выступлениях на симпозиумах, научных и научно-практических конференциях в г. Могилеве (Республика Беларусь), Смоленске, Калуге (дважды), Туле, Пскове, Волгограде, Вязьме (дважды), Москве, Йошкар-Оле. Тематика публикаций охватывает весь круг проблем, затронутых в диссертации.

Структура работы: Диссертация состоит из введения, трёх глав с семью параграфами, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы и приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении сформированы проблема исследования, определены его актуальность, цель и задачи, объект и предмет, географические и хронологические рамки, даны обзор степени изученности проблемы, видовая характеристика привлечённых источников, охарактеризованы методологическая база, научная новизна и практическая значимость диссертации.

Первая глава «Условия формирования органов «русской администрации» и социальный портрет коллаборанта западнорусской деревни» освещает проблему формирования немцами органов «русской администрации», мотивации, динамики настроений людей, занявших должности в органах так называемого «русского самоуправления».

В первом параграфе «Образование и устройство коллаборационного аппарата» рассматривается устройство аппарата самоуправления, анализируется порядок участия в нём местных жителей, степень их инициативы в формировании коллаборационных структур.

В ходе исследования выяснилось, что планы нацистов по созданию административных органов имелись с самого начала вторжения в СССР. Отдавая оккупированные территории западной РСФСР в подчинение армейского руководства, верхушка Третьего рейха не могла не понимать, что удержать значительную территорию без добровольных помощников не удастся. Ввиду этого в скорейшем порядке началось сколачивание органов так называемого местного самоуправления. Первоначально они создавались бессистемно по пути следования армии, в первую очередь, в крупных населённых пунктах. Вопреки расхожему мнению о скоротечности образования гражданских институтов, лишь к концу 1941 г. в связи умиротворением территории, а также по причине затяжного характера войны, гитлеровцами на селе Запада РСФСР был сформирован более или менее разветвленный аппарат, подразделявшийся на окружные, районные,

волостные и общинные институты управления – управы. С конца 1941 г. – начала 1942 г. началось осуществление ими своих функций по снабжению немецкой армии продовольствием и обеспечению порядка на подведомственной территории.

Создание на местах коллаборационистских административных структур помимо германских предписаний в некоторых случаях могло быть вызвано проявлением инициативы граждан, стремившихся к установлению элементарного порядка и безопасности. Наиболее ярко это было выражалось там, где Красная армия отступала скоротечно и неорганизованно, а среди граждан находился человек с выраженным организаторским началом.

Во втором параграфе *«Социальный состав и формирование коллаборационной мотивации у жителей западнорусской деревни»* обосновывается тезис о сложной по характеру мотивации административных коллаборантов и их пестром социальном составе. Исследование показывает, что социальный состав и мотивация «русских администраторов» не была однообразной. В оккупационные органы привлекались представители всех категорий населения с любыми политическими воззрениями за исключением евреев и цыган. Наиболее приоритетным считалось принятие на должность человека с организаторскими способностями, профессиональными знаниями, желательно – убеждённого антисоветчика. Активно привлекались лица, обиженные на советскую власть, подвергавшиеся ею репрессиям. В ряде случаев было заметно наличие в аппарате органов самоуправления бывших представителей коммунистической партии. Что же касается уголовного или так называемого классово-чуждого элемента в лице кулаков или белоэмигрантов, то их количество в изучаемом регионе не было значительным. Одним гитлеровцы не доверяли, других – опасались.

Подбор кадров для разных ступеней коллаборационной администрации различался. На должности старост и волостных старшин часто назначались лица, знакомые с ведением сельского хозяйства – бывшие агрономы, председатели колхозов, пользующиеся авторитетом у местного населения крестьяне. Должности бургомистров районов и округов по большей мере занимали люди, тщательно проверенные немцами и идеологически мотивированные. Значительная часть из них имело высшее образование. Однако даже среди этих лиц имелись и такие, кто стал во главе аппарата вопреки своему желанию.

Наиболее сложным является определение мотивации коллаборантов. Как правило, тезис о доминировании политических мотивов пособничества результатами исследования не подтверждается. Наиболее существенными обстоятельствами, формирующими мотивацию прислужников, были их неуверенность в победе СССР, особенно в начальный период войны, боязнь репрессий со стороны врага, социально-бытовые причины. Это подтверждается и тем, что к моменту освобождения территорий Красной Армией эффективность работы «русской администрации» резко снизилась.

Во второй главе «Гражданская коллаборационная администрация в западнорусской деревне между партизанами, оккупантами, населением» ставится задача через анализ функций коллаборационных институтов исследовать взаимоотношения административных коллаборантов с населением, партизанами, гитлеровцами.

В первом параграфе «Взаимоотношения с партизанами» рассмотрен вопрос взаимоотношений коллаборантов с партизанами. С самых первых дней народные мстители занялись поиском и ликвидацией пособников, не взирая на их должности и мотивацию. Приблизительно с 1942 г. набор средств партизанской борьбы с гитлеровскими служаками начинает претерпевать изменения. Увеличивается значение адресованной коллаборантам пропаганды, которая наряду с угрозой физической расправы также становится актуальной. Стоит отметить, что, невзирая на точки зрения некоторых российских и зарубежных историков, разъяснительная работа партизанами на Западе РСФСР велась с самого начала борьбы в тылу врага. Применялись и иные действенные приёмы: вербовка служащих административного аппарата, засылка партизанами своей агентуры в органы противника, изъятие имущества, личные угрозы и др. Уже к 1943 г. партизаны чётко классифицируют пособников по степени их вины и участия в проведении политики гитлеровцев. С этого момента партизанский террор всё чаще минует представителей низовых звеньев – старост, рядовых полицейских, которым давался шанс искупить свою вину, в то время как поимка крупных чиновников продолжалась.

Во втором параграфе «Взаимоотношения с немецкой администрацией» показано, что вопреки ожиданиям некоторых антисоветски настроенных граждан гитлеровцы не стремились давать своим помощникам свободу действий, устанавливая над ними контроль и наделяя их крайне непопулярными в отношении населения полномочиями. Практически на каждой ступени аппарата была создана система ревизии и контроля, грозившая применением более или менее жёстких санкций. Этот процесс начал стремительно развиваться с 1942 г., когда обнаруживались первые случаи отклонения в поведении русских чиновников от указаний германских инструкций, рост симпатий к партизанам.

Гитлеровцы применяли в отношении своих приспешников политику кнута и пряника. В одних случаях они открыто наделяли их землей, деньгами, инвентарем, возвеличивали в газетах, в других – беспощадно и показательно уничтожали. Таким образом враг надеялся создать прослойку людей, которая впоследствии являлась бы для него опорой. Однако такой подход оказывал существенное давление и на самих коллаборантов, способствовал формированию у них ненависти по отношению к оккупантам. Это привело к тому, что в 1943 г. со стороны русских коллаборантов-администраторов произошло снижение работоспособности, а в некоторых случаях были обнаружены факты проявления открытого саботажа.

В третьем параграфе «Взаимоотношения с местным населением» показано, что сельские жители крайне негативно относились к пособникам

при их активном участии в осуществлении германских установок, но, в то же время, подчас искали у них поддержку в случае непредвиденных обстоятельств, особенно в случае ужесточения оккупационной политики. Несмотря на то, что формально местная гражданская администрация обязана была решать социальные вопросы, шаги гражданских оккупационных органов в этом направлении не были последовательны и сколько-нибудь достаточны. На какую-либо помощь могли рассчитывать лица, сотрудничавшие с оккупантами. Партизанские семьи использовались в качестве заложников, а даже на минимальное содействие могли надеяться в последнюю очередь.

В третьей главе «Политика возмездия советского государства в отношении коллаборантов западнорусской деревни» анализируется проблема отношения советского государства к лицам, занимавшим должности в органах коллаборационной администрации на селе Запада РСФСР с 1941 по 1944 гг. Глава подразделяется на два параграфа, отражающие два этапа советской политики возмездия административным коллаборантам в годы войны.

В первом параграфе «Политика возмездия советской власти в отношении коллаборантов в начальный период войны» исследуется вопрос формирования правовых основ борьбы с различными формами коллаборационизма, изучается эффективность действий советского государства против административных коллаборантов в начальный период войны, рассматривается проблема изменения характера политики возмездия со стороны советского государства на Западе РСФСР, выявляются факторы, способствующие этому.

В начале войны советская власть, действуя в духе 1930-х гг., пыталась решить проблему коллаборационизма быстрыми и жесткими мерами, в полной мере не осознавая масштаб этого явления. На первых порах издавались инструкции, приказывающие сурово наказывать любого прислужника врага, а также членов его семьи. Одновременно использовались пропагандистские инструменты, формирующие в сознании населения ненависть ко всем коллаборантам. С другой стороны, необходимо отметить, что правосудие государства осуществлялось в рамках действующего в то время законодательства, пусть и довольно сурового, но с вынесением решений соответствующими инстанциями. Установленные факты не позволяют принять распространенный тезис о беспределе советской власти по отношению к пособникам. Даже когда у сотрудников советских органов госбезопасности, партизан не хватало опыта, средств для расследования подобных преступлений, господствовала идея всеобщей ненависти к врагу и его прислужникам, попытки провести хотя бы первичные следственные мероприятия всё-таки проводились.

Второй параграф «Выявление и наказание коллаборантов в период окончательного освобождения западнорусской деревни» показывает, что приблизительно с конца 1942 г. советское государство, осознав масштабы вовлеченности граждан в различные формы сотрудничества с врагом,

начинает менять политику наказания коллаборантов. Это касается не только разработки нормативных актов, координирующих процесс поиска и выявления коллаборантов, но и нового подхода к наказанию тех, кто работал на врага.

В юридический оборот вводятся понятия «пособник» и «предатель», разграничение которых должно было учитываться при определении тяжести вины и определении меры наказания. При проведении следственных мероприятий правоохранительные органы начинают тщательнее проверять подозреваемых в коллаборационизме, выяснять обстоятельства, побудившие пойти в услужение врагу. По инициативе руководства ЦК ВКП(б) и НКВД СССР организуются специальные курсы переподготовки работников НКВД и прокуратуры для подготовки к рассмотрению особенно сложных дел.

Такое изменение подхода к наказанию административных коллаборантов привело к тому, что некоторые их категории в 1943 г. отделались незначительными наказаниями, что было практически невозможно в 1941–1942 гг. К ним относились, прежде всего, бывшие старосты, секретари управ, рядовые полицейские и иные мелкие административные служащие, не замеченные в активной работе на врага. Часть из них отправили в ссылку, других – на пополнение частей Красной армии. Количество решений о применении к подсудимым высшей меры наказания значительно снижается и составляет незначительный процент в общем числе вынесенных приговоров. Имелись случаи и полного освобождения от ответственности при смягчающих обстоятельствах. Поиск же крупных фигур «русской администрации» на Западе РСФСР не прекращался, а послабления в отношении них применялись лишь в виде замены смертной казни на длительные сроки заключения. К особо активным пособникам, независимо от их статуса, замеченных в расправах над мирным населением, выдаче партизан, как и в 1941 г., продолжала применяться смертная казнь.

В отличие от государственной политики возмездия коллаборантам, санкции за пособничество врагу коммунистам на всем протяжении войны и в послевоенное время не подвергались изменению. Коммунист, в большей или меньшей степени запятнавший себя сотрудничеством с немцами, в большинстве случаев исключался из партии, терял возможность для продвижения по карьерной лестнице.

В заключении представлены основные выводы диссертационного исследования. Оценивая политику оккупантов по созданию органов «русской администрации», автор исследования отмечает, что их пассивная участь была предрешена с самого начала. Сформированные поначалу хаотично, из лиц с различной мотивацией, упомянутые институты не являлись самостоятельными структурами, а были всего лишь придатком немецкой оккупационной машины. В таких условиях некоторые управители, упиваясь безнаказанностью, творили беспредел, за что впоследствии выдавались жителями советским органам безопасности. Другие же, насильно

вовлечённые в сотрудничество с врагом, понимая тяжесть своего положения, старались занять нейтральную позицию, лавировали между двух огней.

Полезной инстанцией в отношении граждан органы местного самоуправления могли быть лишь в тех случаях, когда были удовлетворены потребности немцев. Однако в виду тотальной грабительской политики оккупантов средств на нужды населения не оставалось, поэтому его социальная поддержка не обеспечивалась, что обуславливало презрительное отношение людей ко многим представителям так называемой «русской администрации».

Являясь одной из самых распространённых форм пособничества оккупантам со стороны советских граждан в деревне Запада РСФСР, административный коллаборационизм, тем не менее, не стал предпосылкой раскола сельского социума на оккупированных гитлеровцами территориях. Гитлеровцам не удалось в полной мере использовать его потенциал для осуществления своих планов ограбления деревни Запада РСФСР, дезориентации и оболванивания её населения. Благодаря быстрому осознанию обществом преступных идей оккупантов, выработанной советским государством гибкой политики возмездия пособникам гитлеровцев, широкому развитию партизанского движения, а также эффективной деятельности советских спецслужб замыслы врага потерпели крах.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих научных публикациях:

Статьи, опубликованные в перечне ведущих периодических изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

1) *Полугодин А.Д.* Выявление коллаборантов среди репатриированного населения в период с 1942 по 1945 гг. (по материалам Калужской области) // Манускрипт. Тамбов: Грамота.– 2019. – Том 12. – Выпуск 2. – С. 40–45. – 1,2 п. л.

2) *Полугодин А.Д.* Некоторые вопросы функционирования института волостных старшин на территории Европейской России, временно оккупированной немецко-фашистскими войсками в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) // Альманах «Казачество». – 2018 – № 36. – С. 88–100. – 1,4 п. л.

3) *Полугодин А.Д.* Партизанское движение и административный коллаборационизм в западнорусской деревне (1941–1943 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1 (29) / Электронный научный журнал. URL:<http://www.vestospu.ru>. – 1,2 п. л.

4) *Полугодин А.Д.* Социальный состав и мотивация представителей «русской администрации» в оккупированной западнорусской деревне в 1941–

1943 гг. // Университетский научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. – 2019. – № 44 – С. 95–108. – 1,5 п. л.

5) *Полугодин А.Д.* Карательные действия нацистов в оккупированных районах Калужского края в период 1941–1943 гг. // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т.25. – № 3. – С. 44–51. – 0,6 п. л.

6) *Полугодин А.Д.* Коллаборационизм в зоне действия Дятьковской партизанской бригады в период 1941–1943 гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2019. – № 4 (52). – 1,5 п. л.

7) *Полугодин А.Д.* Западнорусская деревня в период немецкой оккупации 1941-1943 гг.: взаимоотношения населения с представителями местной администрации // История: факты и символы. – 2020. – № 2 (23). – С. 128–142. – 1,6 п. л.

8) *Полугодин А.Д.* Административный коллаборационизм в оккупированных районах Калужского края в период 1941–1943 годов // Известия Смоленского государственного университета. – 2021. – № 1 (53). – С. 218–240. – 1,7 п. л.

9) *Полугодин А.Д.* Взаимоотношения представителей институтов местного самоуправления с немецкой администрацией на примере западнорусской деревни в период с 1941 по 1943 г. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2021. – №. 1. – С. 52–60. – 0,9 п. л.

Публикации в других изданиях:

10) *Полугодин А.Д.* Гражданская коллаборационная администрация между немцами и населением в западнорусской деревне: нацистский проект и реальность // Копытинские чтения – I, II : сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Могилев, 17–18 мая 2018 г. / под общ.ред. М. И. Матюшевой. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – С. 79–81. – 0,9 п. л.

11) *Полугодин А.Д.* Изменнические формирования и их применение в южных и юго-западных районах Калужского края в период немецко-фашистской оккупации 1941–1943 гг. // Без срока давности. Материалы II научно - практической конференции (XIV «Псковские архивные чтения») 14–15 ноября 2019 года. – Псков:ГАПО, 2020. – С. 306–319. – 1 п. л.

12) *Полугодин А.Д.* Коллаборационизм в районах функционирования подпольных госпиталей в период оккупации Калужского края (на примере госпиталей с. Передел, д. Гнездилово и в деревнях Износковского района) Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны. // Материалы международной научной конференции. 23 мая 2020, г. Вязьма. – Смоленск, Свиток, 2020. –С. 125–137. – 1 п. л.

13) *Полугодин А.Д.* Общий обзор деятельности Военных трибуналов по осуществлению наказания гражданских коллаборантов в период с 1941–1944 гг. (по материалам региональных источников) // Вторая мировая война.

История и историческая память. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию начала Второй Мировой войны. 5 июня, 2019 г. Тула, ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2019. – С.103–114. – 1,1 п. л.

14) *Полугодин А.Д.* Борьба немецких оккупантов и их пособников против партизан на территории Калужского края период 1941–1943 гг. // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы междунар. науч. конф., посвященной 75-летию победы в Великой Отечественной войне, Волгоград, 11–12 сент. 2020 г. в 3 ч. Ч. 2. – Волгоград, 2020. – С. 155–173. – 1,5 п. л.

15) *Полугодин А.Д.* Оккупационный режим и развитие коллаборационизма в период 1941–1943 гг. на территории Куйбышевского района Калужской области // Регионы России в военной истории страны. Выпуск III: сборник материалов III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, г. Йошкар-Ола, 17–18 ноября 2021 г. – Йошкар-Ола. – С. 293–312. – 1,5 п. л.

16) *Полугодин А.Д.* Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии и ее пособников в борьбе против партизан (на примере западнорусских территорий РСФСР в период 1941–1943 годах) // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны. Материалы II международной научной конференции. 23 мая 2021 года. г. Вязьма. – Смоленск, 2021. – С. 117–130. – 1,3 п. л.